

Историческое образование молодежи: российские парадоксы и проблемы правового регулирования

Многочисленные отечественные исследователи разных времен и направлений - от П. Чаадаева до Ю. Афанасьева – имели склонность анализировать парадоксальность отечественной истории. Однако не меньше парадоксов характеризует и отечественное историческое образование. Отметим лишь некоторые из них.

Парадокс первый, общецивилизационный, но в России проявляющийся особенно выразительно: история, согласно распространенному афоризму, ничему не учит, лишь наказывая за незнанием ее уроков, однако при этом историю и истории учат все и всех. Другими словами, хотя изучение истории во всем мире признается одним из важнейших направлений образования, практический эффект такого изучения, если судить по действиям политических элит и лидеров, весьма сомнителен.

На взгляд автора, разрешение этого парадокса может быть выражено формулой: история не столько учит, сколько воспитывает. Однако если главная функция истории – воспитательная, то российское историческое образование в широком смысле (т.е. «образование средой», в том числе создаваемой электронными СМИ) с нею явно не справляется. Вот лишь одно доказательство.

Недавно под руководством экс-министра образования РФ Е. Ткаченко выполнено крупное исследование. Согласно опросу, из 42 тысяч учащихся техникумов, ПТУ и школ примерно 31,2 % детей не хотели бы родиться и жить в России и еще 21,6 % затруднились с ответом на этот вопрос¹. Полагаю, отраженное социологами состояние молодежного исторического сознания представляет собой угрозу национальной безопасности, вполне сравнимую с международным терроризмом. Кстати, еще в 1996 г. по инициативе автора в Госдуме второго созыва были проведены парламентские слушания на тему «Образование и национальная безопасность России». Их лейтмотивом стала мысль о том, что образование – интегративный фактор национальной безопасности, не менее значимый, чем состояние вооруженных сил или экономики. Однако принятые на слушаниях рекомендации в абсолютном большинстве до настоящего времени остались нереализованными.

Парадокс второй, отечественный: несмотря на колоссальные усилия исторической науки, в области исторического образования Россия по-прежнему остается страной «с непредсказуемым прошлым». Причина тому - множественные революции. В XX веке на долю страны их выпало, по меньшей мере, три: в 1905-м, 1917-м, в первой половине 1990-х гг. Если согласиться с точкой зрения о возможности внутрiformационных революций, можно насчитать и 7, включая февраль 1917-го, поворот к НЭПу, сталинский «перелом» и горбачевскую «революционную перестройку».

---

¹ Воспитательная работа в новых условиях (опыт учреждений профессионального образования). Науч.-метод. сборн. Авт.-сост. Смирнов И.П., Ткаченко Е.В. М.: Изд. отдел НОУ ИСОМ, 2003.- С. 26.

Кстати, эту перестройку обычно именовали революцией, тогда как в действительности она представляла собой период реформ (довольно бесплановых и бессистемных). Напротив, наступивший в первой половине 1990-х гг. период до сих пор предпочитают обозначать как «радикальные реформы», тогда как в действительности это был период социально-политической революции. Такова еще одна парадоксальная характеристика отечественного исторического сознания, на сей раз на уровне официальной идеологии.

Каждая революция как историческая ситуация характеризуется целым набором признаков и закономерностей. Среди них для нашей темы наиболее важны две: отрицание и аномия, в полной мере проявившиеся в постсоветскую эпоху отечественной истории.

В первой половине 1990-х гг. революционное отрицание в России проявлялось как в формационном, так и в более глубоком, цивилизационном плане, а именно: была предпринята попытка разрыва с духовно-нравственными традициями не только советской, но и досоветской российской культуры. В отличие от западной протестантской этики труда, индивидуализма и прагматизма, для этой культуры была характерна установка на нестяжательскую самореализацию и служение людям, в более современных терминах - на постматериальные ценности. В начале 1990-х гг. эта ориентация была отвергнута как помеха внедрению рынка.

В действительности же содействовать введению рыночных отношений в сколько-нибудь цивилизованной форме могла бы, например, протестантская этика с ее культом честного стяжательства. Однако «радикальные реформаторы» апеллировали не к ней, но к самым примитивным лозунгам типа «Деньги - единственная подлинная ценность». Ведущие политики и публицисты призывали с пониманием относиться к криминальному характеру стремительно создававшегося отечественного капитала, доказывая, что иного пути нет, а через 2-3 поколения капитал станет цивилизованным. Подобная пропаганда в существенной мере обусловила тот факт, что новейшая российская революция (на фоне почти всеобщих призывов к «покаянию» и «катарсису») по отношению к праву и общечеловеческой морали оказалась криминальной. Забавно, что, породив криминал в революционный исторический период (август 1991 г. – июль 1996 г.) и фактически призывая к нему, в период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима власть стала использовать спровоцированные ею факты правонарушений в показательно-пропагандистских целях, а на деле – для борьбы с нелояльными «олигархами»!

Революционная аномия, т.е. размывание системы норм и ценностей прежней исторической эпохи, объявление их «пережитком прошлого» проявилась в начале 1990-х гг. не только в росте преступности, потребления наркотиков и алкоголя, то также и в разрушении патриотического сознания, включая оценку советской эпохи. В этот период в электронных СМИ нередко звучали утверждения типа: если бы в 1941-м немцам сдались, сейчас бы

жили, как они, попивая доброе пиво. Тогда же выдающийся русский писатель-фронтовик Виктор Астафьев произнес в телекамеру (цитирую близко к тексту): «начнись сейчас война – сам бы воевать не пошел и внука не пустил». Именно с тех пор по уровню уважения к собственной стране российская молодежь дружно занимает последние места среди так называемых цивилизованных стран. В то же время была поднята на щит знаменитая фраза Льва Толстого: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев». И, разумеется, извращена: толстовский гнев был направлен не против патриотизма, но против негодяев, не стеснявшихся прикрывать «негодяйства» даже теми ценностями, которые для любого гражданина должны быть святы.

Известно, что в периоды различных российских «смут» именно патриотическое сознание выводило страну на магистральный путь развития. Однако, чтобы возродить патриотизм, его необходимо жестко отделить от национализма: патриотизм – уважение к собственному народу, культуре и истории; национализм – пренебрежение к чужим народам, странам и культурам. Полагаю: только обновленный патриотизм может стать идейной основой и для экономического, и для нравственного возрождения страны.

Тенденции радикального отрицания и аномии проявились в отношении не только образовательной политики в целом, но и собственно политики в области образования. В революционный период профильные министерства не пытались или полагали несовместимым с «курсом реформ» обеспечивать в преподавании гуманитарных наук провозглашенные принципы объективности и плюрализма. Напротив, в соответствии с феноменом «маятника», место одной догматизированной идеологии в преподавании социальных наук заняла другая, не менее догматизированная.

Так, авторы учебников по истории, вышедших в начале 1990-х гг., в большинстве своем не поднялись не только до «понимающей социологии» М. Вебера, которая предполагает оценку любой эпохи в ее собственном социокультурном контексте, но и до художественного мышления Стендаля, прекрасно понимавшего, что историю революции любого народа образуют два цвета - красное и черное. Напротив, раскритиковав предшественников, исследователи «нового времени» по сути руководствовались методологией «Краткого курса истории ВКП(б)» при противоположной идеологической направленности: они лишь поменяли господствовавшие прежде оценки на прямо противоположные.

В данном примере отчетливо проявляется третий парадокс российской политики последних 15 лет: преумножение критикуемых ошибок. Чем более именующие себя реформаторами новейшие революционеры критиковали революционеров прежних (большевиков), тем более становились на них похожи, по меньшей мере, в стремлении к радикальному отрицанию прошлого. В оправдание исторической науки замечу, между прочим, что незнание ее законов не освобождает политика от ответственности точно так же, как не освобождает от ответственности любого гражданина незнание законов государства, включая Административный или Уголовный кодексы.

Наконец, четвертый парадокс отечественной политики в области исторического образования может быть сформулирован как «погоня за цивилизацией» по попятной траектории. В данном случае вместо теоретических аргументов позволю себе одно личное впечатление.

Несколько лет назад работа в Комитете Госдумы по образованию и науке занесла меня в маленький американский городок в штате Массачусетс, где находится один из престижных университетов. Американцы, как обычно, хотели удивить российскую делегацию богатством материальной базы образования (компьютеры, отличные библиотеки, университетский бюджет, сравнимый с российским федеральным и т.п.). Но удивили, как ни странно, матчем по американскому футболу. Дело, разумеется, не в футболе, но в интерьере: большой стадион, тысячи студентов и преподавателей, одетых в университетскую форму, молодые парни и девушки, раздающие университетскую газету, ароматное барбекю, оркестр в триста духовых инструментов, играющий увертюру Чайковского «1812 год». Позднее американские коллеги спросили членов российской делегации: узнали ли вы русскую музыку? Мы, разумеется, поблагодарили. Только постеснялись сказать, что исполнил оркестр лишь первую часть увертюры, написанную на мелодию французского гимна и символизирующую нашествие Наполеона на Россию, а до второй же части, выполненной на основе темы финала «Руслана и Людмилы» (знаменитый хор «Славься!») и символизирующей разгром Наполеона, оркестр не дошел.

Когда же раздались звуки национального гимна США, стадион поднялся, каждый студент приложил руку к сердцу, глаза увлажнились. Тогда и «накрыло» меня чувство, близкое к ярости. Разумеется, не против американцев, которые все делают правильно. Но против отечественных «радикальных реформаторов», которые в конце 1980-х – начале 90-х гг. аналогичные традиции в России разрушили. Сколько псевдосатирических стрел вызвали в тот период строки советской песни: раньше думай о Родине, а потом – о себе. Однако по смыслу они практически совпадают с известным призывом Президента Джона Кеннеди: не спрашивай, что Америка должна сделать для тебя; спроси лучше, что ты должен сделать для Америки!

Справедливости ради следует признать: падение уровня патриотического сознания в стране – результат не только революционного отрицания и аномии. В любом государстве патриотизм – это естественная реакция гражданина на отношение к нему государства. В этом смысле формирование патриотического сознания – результат не только исторического образования, но и социальной политики правящей элиты.

Кстати, уровень исторического образования этой элиты заслуживает отдельного разговора. В качестве примера позволю себе длинную цитату из выступления В.В. Журавлева (доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Московского областного университета, лауреата Государственной премии РФ за 2003 год, члена авторского коллектива учебника «История России. XX век». 9-й класс. М., 2001).

«Уже на закате своей политической карьеры первый президент России посетил Новгород и справедливо после этого своим указом вернул этому городу имя Новгорода Великого. По ходу этого визита в «Независимой газете» появилась краткая заметка, в которой сообщалось, что во время посещения Новгорода Великого президенту показали памятник Тысячелетию России, воздвигнутый в 1862 году в честь круглой даты такого полуполюгендарного события, как призвание варяжских князей на русский престол. Президент Российской Федерации (по традиции – «хозяин земли русской») осмотрел этот памятник и обратился к сопровождающим его лицам с неожиданным вопросом: «А почему у нас нет памятника двухтысячелетию России?»»

Я вначале не поверил этому сообщению, подумал, что это – «журналистская утка». Позднее, однако, свидетель события - крупный отечественный историк подтвердил, что он лично при этом присутствовал и тоже слышал эти слова. Нетрудно догадаться, как все это было на самом деле: страдающий склерозом старый человек, уезжая в свой вояж, подписал Указ (по времени это примерно совпадает) о мероприятиях, посвященных празднованию двухтысячелетия Христианства. В его голове, как в доме Облонских, все это смешалось. Мораль проста и вдохновляюща для невежд: можно быть даже «хозяином» России и не уважать истории своей страны, игнорировать ее опыт и уроки»².

Пожалуй, еще хуже ситуация с изучением истории в странах ближнего зарубежья (в прошлом – советских республиках). Приведу несколько примеров:

- в первой половине 1990-х гг. в странах Балтии историю изучали по учебникам... 1936 года!³

- согласно популярной книге С.М. Айвазяна «История России: армянский след» (М., 1997), Киевскую Русь основали... армяне, «колыбелью русских» является гора Арарат, а Сталин был отнюдь не царским, а турецким шпионом⁴.

Но парадоксальнее всего преподается, пожалуй, история наиболее близкой нам страны – Украины. Так, в изданном на русском языке учебнике для 5-го класса средней школы «Рассказы по истории Украины» (издание 2-е, исправленное и дополненное. Киев, 1997) утверждается, что около 6 тысяч лет назад вблизи нынешнего села Триполье образовалось чуть ли не государство Украина, и при этом об общих корнях украинцев, русских и белорусов не говорится практически ничего. В той же книге Переяславская Рада (1654 год) описывается следующим образом.

«Созвал Хмельницкий казаков на совет. Спросил их: под каким правителем хотите быть? К кому обратимся за помощью? Думали казаки, совещались. Решили пойти на союз с Москвой. Хоть сердце к российскому

---

² Образ России в школьных учебниках истории ближнего и дальнего зарубежья (Стенограмма конференции). М., БФРГТЗ «СЛОВО». 2003. – С. 20-21.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 27

самодержцу и не лежало. В 1654 году в Переяславле был подписан договор между Россией и Украиной. Он положил начало новому закабалению украинского народа, и хотя по условиям договора Украина имела право на собственное управление, свой суд, могла выбирать гетмана, но вольнице пришел конец...»⁵. Соответственно, и Иван Мазепа представляется как национальный герой, которому посвящена целая глава, равная по объему описанию Великой Отечественной войны.

А вот как описывается политика России в начале XVIII в.: «В то время московским царем был Петр I. Он укрепил мощь российского государства. Заставил европейские страны признать его и считаться с ним. К Украине Петр относился враждебно. Видел в ней своего извечного врага, который не имеет права ни на собственный язык, ни на культуру, не говоря уже о свободе»⁶.

Профессор В.В. Журавлев прокомментировал позицию авторов учебников следующим образом: «Все хорошо о Мазепе написано. По формальным критериям - и убедительно, и логично. Мазепа хотел добиться свободы своему народу, а вот царь Петр стремился держать Украину в неволе. Но какой свободы мог добиться Мазепа в тех условиях? Украина непременно отошла бы к Турции, в лучшем случае - к Польше. И началась бы другая, скорее всего, несравненно более жестокая и кровавая история угнетения Украины». И продолжает: «Великий итальянский мыслитель Никколо Макиавелли, диалектический образ мысли которого, кстати, до сих пор воспринимается многими обществоведами и политиками неадекватно, был совершенно прав, когда говорил: все было бы просто в политике, если бы государю, политику пришлось бы выбирать между хорошим и плохим. Кто бы в этих условиях предпочел плохое хорошему? Но ему, политическому лидеру, к сожалению, чаще всего приходится выбирать между плохим и очень плохим»⁷.

Примитивизм, отсутствие диалектического взгляда характерны для преподавания истории не только в постсоветских республиках, но и в самой России. И одна из причин тому – давняя проблема соотношения идеологии и научной истины, выраженная Т. Гоббсом в известной формуле: если бы геометрические аксиомы занимали интересы людей, они опровергались.

Совершенно очевидно: в изучении истории, как и в ее преподавании, нужно стремиться к объективной истине, однако вообще отрешиться от идеологии невозможно. Деидеологизация – это тоже своего рода идеология, да и заканчивается она обычно «переидеологизацией», т.е. сменой идеологии.

С другой стороны, попытка сделать историю служанкой государственной идеологии приводит и к утрате научности, и, как ни парадоксально, к утрате ценностного (идеологического) содержания истории. Если ученики или студенты встречают в учебнике искаженную информацию,

---

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Там же. С. 27.

чувствуют фальшь, они не верят не только содержанию, но и тем ценностям, которые автор учебника хотел бы проповедовать.

Простого ответа здесь нет. Есть лишь диалектический - единство многообразия. Преподавание истории призвано давать представление о различных позициях, но при этом оно должно воспитывать уважение к собственной истории и культуре, как говорил поэт, «Любовь к родному пепелищу... Любовь к отеческим гробам». Другими словами, в историческом образовании должны быть обеспечены широкие академические свободы, ограниченные лишь тремя «нельзя»:

- нельзя воспитывать ненависть к другим народам и культурам. Фашизм, другие виды расизма и человеконенавистническая идеология должны оставаться под запретом;

- нельзя воспитывать неуважение к собственной истории и культуре. В жизни народа, как и в жизни личности, самоуважение есть залог стремления к достижениям, тогда как комплекс неполноценности, своего рода национальный мазохизм приводит лишь к пассивности и новым историческим поражениям;

- нельзя лгать, искажать и замалчивать факты. Формула В. Гёте «истина сама исцеляет зло, которое причинила» в исторической науке и образовании вполне справедлива.

Переходя к юридическим сторонам проблемы исторического образования, напомним, во-первых, формулу К. Маркса: «право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества». Хотя классик в России теперь не популярен, формула его остается справедливой, особенно в переходную эпоху, когда под лозунгом правового государства сплошь и рядом торжествует «революционная целесообразность», а юридический фетишизм парадоксальным образом сочетается с юридическим нигилизмом.

Во-вторых, следует учесть, что именно вопросы содержания образования, а особенно вопросы воспитания человека, труднее всего поддаются законодательному регулированию. Закон регулирует, главным образом, экстремальные случаи человеческого поведения, образно говоря, наказывает преступников и возвеличивает героев. Но он не может предписать человеку быть порядочным, нравственным, патриотически настроенным и т.д.

Осознавая то и другое, законодатели при участии автора, как минимум, дважды пытались реализовать воспитательный потенциал права по отношению к историческому образованию. Однако закономерность восторжествовала и обе попытки оказались неудачными.

Первый случай – утвержденное Постановлением Госдумы второго созыва от 8 апреля 1998 г. «Обращение Государственной Думы к Правительству Российской Федерации о состоянии и задачах исторического образования в России». Приведем несколько рекомендаций из этого обращения, не утративших своей актуальности до настоящего времени:

«1) создать комиссию по вопросам исторического образования в России, включив в ее состав по согласованию представителей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Российской академии наук, Российской академии образования, Совета ректоров высших учебных заведений Российской Федерации, в целях изучения эффективности системы исторического образования, действующей в настоящее время, и обеспечения учебными пособиями образовательных учреждений. Поручить указанной комиссии в ближайшее время провести анализ состояния исторического образования в России на предмет его соответствия государственным интересам России и научным критериям»;

«2)... вернуться к рассмотрению вопроса о целесообразности сохранения концентрической системы образования и не требовать от тех школ, которые не перешли на концентрическую систему исторического образования, обязательного перехода к обучению по данной системе до введения в действие государственных образовательных стандартов по истории;

разработать и утвердить единые программы по истории для поступающих в высшие учебные заведения;

пересмотреть состав экспертов секции истории и социально-гуманитарных дисциплин Федерального экспертного совета по общему образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации, предусмотрев включение в него по согласованию представителей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Российской академии наук, Российской академии образования, Совета ректоров высших учебных заведений Российской Федерации. Считать целесообразным избрание представителей указанных органов государственной власти и организаций в руководящие органы Федерального экспертного совета по общему образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации;

предложить Федеральному экспертному совету по общему образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации повторно рассмотреть решения о присвоении рекомендательных грифов действующим учебным пособиям по истории. При рассмотрении новых учебных пособий по истории особое внимание уделить отражению в них исторического прошлого России с позиций научной истины и патриотического воспитания».

Увы, хотя Постановление принималось депутатами всех фракций Второй Госдумы и никто не решился голосовать против него, ни одна из перечисленных рекомендаций исполнена не была: межведомственной комиссии по историческому образованию нет до сих пор; концентрическая система преподавания по-прежнему заставляет детей в 9-м классе изучать сложные исторические проблемы, которые большинство из них не в состоянии понять, а в 11-м классе, когда они взрослеют, не оставляет на это

времени; грифы и содержание учебников пересматриваются в экстренных случаях по требованию Президента, однако не из желания защитить историю, но по причине раздражения недостаточно «политкорректными» оценками его собственной деятельности (именно так было с учебником И. Долуцкого).

Вторая попытка правового влияния на содержание исторического образования была связана с разработкой федерального закона о государственном образовательном стандарте. Его первая версия, внесенная 13 членами Совета Федерации и 2 депутатами Госдумы второго созыва, включая автора, предполагала описание целей и содержания исторического образования. Однако по многим причинам, которые здесь не место описывать, закон не прошел даже первого чтения.

Современная версия законопроекта, подготовленная ко второму чтению, в процессе многочисленных согласований с Правительством (Минфином) и Главным ГПУ Президента практически утратила содержательную часть и регулирует лишь процедуры принятия стандарта. По требованию президентской Администрации изменено было даже название закона: «Об основных положениях, о порядке разработки и утверждения государственного образовательного стандарта общего образования». Это означает, что прошлое России в очередной раз может оказаться в зависимости от ее будущего, - в зависимости от того, какой Президент будет избран на следующих выборах. Единственное, чего удалось достичь по интересующему нас вопросу, - вписать в закон положение, согласно которому на стадии основной школы не допускается замена учебных предметов (математика, русский язык, литература, физика, химия, география, биология, история) объединенными курсами.

Однако Министерство образования России идет иным путем: начиная с 5-го класса, предполагается ввести курс обществознания при сокращении исторических курсов. Интересно, что нечто подобное уже происходило в стране в 20-х гг. прошлого века и было связано с попыткой заменить конкретный материал более политизированным предметом в целях «формирования нового человека». В XXI веке цели аналогичны, вот только модель «нового человека» стала иной – кстати сказать, намного более примитивной. Как известно, история повторяется – хорошо еще, если в виде фарса.

Кстати, культурный контекст для того, чтобы фарс вновь обратился в трагедию, достаточно благоприятен. Так, по данным одного из всероссийских опросов, проведенного в начале 2004 г., 45 % населения России полагают, что тем, кто мешает президенту проводить его реформы, не место в стране. И хотя социологи об этом не спрашивали, уверен: абсолютное большинство (если не 99 %) представления не имеют, какие именно реформы они готовы защищать ценою новых репрессий. Вот почему и сегодня столь актуально звучат слова, слышанные нами, студентами исторического факультета Омского госпединститута в начале 1970-х годов от И.Н. Новикова – преподавателя, блестяще читавшего при «тоталитарном

режиме» курс лекций, охватывающий советский период: историю преподавать нужно так, чтобы через 15 лет не было стыдно!..

О.Н. Смолин, первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, доктор философских наук, член-корреспондент Российской Академии Образования.

Сдана в печать.